

На правах рукописи

Рамазанов Рашид Омарович

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА
ИСЛАМИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ЗОНЕ КОНФЛИКТА**

**Специальность: 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Москва

2006 г.

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии
Московского государственного института международных отношений (Университета)
МИД России

Научный руководитель:

Кандидат политических наук, доцент
КУДРЯЦОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор
ИОНОВА АЛЛА ИВАНОВНА

Доктор политических наук, профессор
ДОНЦОВ ВЛАДИМИР ЕФРЕМОВИЧ

Ведущая организация :

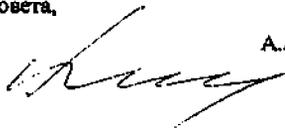
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Защита состоится « ____ » _____ 2006 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.209.002.02 в Московском государственном институте международных отношений (Университета) по адресу: 119454 Москва, пр.Вернадского, 76.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

автореферат разослан « ____ » _____ 2006 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.А. ЧАНЫШЕВ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Многие современные политики и эксперты считают террористическую активность одной из основных угроз международной и национальной безопасности и стабильности. Как отметил Президент РФ В.Путин, «пока человечество до конца не осознало социальную природу терроризма, всю его многоликость», без чего «питающие его корни истребить будет практически невозможно»¹. Действительно, после событий начала 90-х гг. - распада социалистической системы, Советского Союза, СФРЮ, кризиса в зоне Персидского залива произошел существенный рост религиозно мотивированного терроризма. Экстремистские движения вступили в новый этап своего развития, который характеризуется более широкими масштабами насилия не только в зонах длительных конфликтов с религиозной составляющей (Палестина, Кашмир), но и на постсоциалистическом пространстве (бывшая Югославия, Таджикистан, Узбекистан, Северный Кавказ). Глобализация насилия способствует глобализация экономики и сопутствующая ей культурная и социальная фрагментация².

В настоящее время продолжается становление религиозно-политического движения в исламе как транснационального актора, обладающего разнообразными ресурсами и способного бросить вызов сложившемуся мировому порядку и международному праву. Как отмечает российский исследователь В.В. Наумкин, политический ислам стал коллективным транснациональным политическим игроком³. Влияние исламизма весьма ощутимо на политические процессы в Ливане, Ираке, Пакистане, Афганистане, Египте, Индонезии и других странах.

Взрывы 11 сентября в США, действия террористов на Ближнем Востоке, в Южной Азии, Чечне, Косово, других регионах, призывы к *джихаду* против «неверных» заставляют человечество задуматься об «исламской угрозе». Генеральный секретарь НАТО еще в 1995 году заявил, что исламский фундаментализм «по крайней мере так же опасен для Запада, как был для него опасен коммунизм»⁴. В последнее время возрастает число публикаций, посвященных проблеме «столкновения» двух цивилизаций, стремительно входят в оборот и часто употребляются как синонимы такие словосочетания, как «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм» и

¹ Цит. по: «Право и безопасность», 2003, №1-2. Режим доступа: <http://dpr.ru>

² Ильин М.В. Политическая глобализация: институциональные изменения. - М.: Грани глобализации, 2003, с. 230.

³ Наумкин В. Ислам как коллективный игрок // Международные процессы, Т.4, №1. Январь – апрель 2006. - Режим доступа: <http://www.intelcenter.ru/csrp/004.htm>

⁴ См.: International Herald Tribune. 1995. May 10. P.1, 4

«исламский терроризм». В этой ситуации грань между исламским экстремизмом, политическим исламом, исламским фундаментализмом и исламской верой начинает постепенно стираться не только для простого обывателя. Ислам зачастую воспринимают как силу, которая имеет имманентную экстремистскую составляющую и которую следует контролировать, сдерживать и в конечном счете подавлять. Слишком широкие трактовки этих понятий приведут не только к подмене одного феномена другим, но также к формальному расширению социальной базы экстремизма и росту конфликтности в современном обществе. Нет нужды говорить, насколько этот подход не просто ошибочен, но опасен для мира, в котором проживает до 1,4 млрд. мусульман в 127 странах.

Что же представляет собой подъем исламизма: одну из многих характеристик «текущего момента» в мировой политике, своеобразную и преодолесамую патологию или устойчивую тенденцию, определяющую долгосрочные параметры современной миросистемы? Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое значение. В мире не разрешен ни один из конфликтов с исламской политической составляющей. Не оправдала себя концепция военно-гуманитарной интервенции, опробованная НАТО в Югославии в 1999 г., не удастся продвинуть урегулирование ближневосточного конфликта, нестабильна ситуация в Афганистане и Ираке. Использование против исламизма «классических» сверхдержавных методов - военной и финансовой мощи приводит к эскалации конфликтов и делает невозможным решение таких проблем, как достижение устойчивого развития, сохранение культурной идентичности, автохтонная демократизация, политическая стабильность. Более того, подобная позиция закрепляет нецелостный характер связей между элементами мировой системы и диктует узкое понимание глобализации.

Следует также учитывать, что как мысль и как движение политический ислам неоднороден. Его идейные поиски могут быть направлены как на разработку «исламской модернизации», так и на обоснование вооруженной борьбы с «миром неверия».

Таким образом, исследование проблематики исламского фундаментализма, исламизма и международного терроризма, в частности в зоне конфликтов в Палестине, Кашмире и на Северном Кавказе, представляется актуальным для разработки эффективных политических решений в сферах международных отношений и противодействия экстремизму и терроризму.

Степень разработанности темы

Изучением проблематики религиозного фундаментализма, экстремизма и терроризма занимаются богословы, философы, политологи, специалисты в области международных отношений, социологи, психологи, юристы, криминологи. Кроме того, к ней проявляют огромный интерес службы безопасности разных стран, активисты различных общественных и международных организаций, фондов и ассоциаций.

Исследования, посвященные рассматриваемой в диссертации проблематике, можно разделить на три основные группы – работы общетеоретического и методологического характера по проблематике мирового развития и конфликтологии А. Д. Богатурова, Н. А. Косолапова, М.М. Лебедевой, А.И. Никитина, Д.М.Фельдмана, М. А. Хрусталева и др.⁵; работы по проблематике религиозного фундаментализма, исламизма и терроризма, их идейным истокам Ю. И. Авдеева, В. Я. Белокреницкого, Л.Р. Гордон-Полонской, И.П. Добаева, Б. В. Долгова, В.Е. Донцова, А. А. Игнатенко, И.В. Кудряшовой, Ю. П. Кузнецова, Р. Г. Ланды, Е. Г. Ляхова, А. В. Малашенко, Г. И. Мирского, Л. А. Моджорян, И.Л. Морозова, М. Одесского, Д. В. Ольшанского, В.Н. Пластуна, О. В. Плешова, М.Т. Степанянц и др.⁶; литературу страноведческого характера, в которой содержится анализ исторических и политических процессов в Палестине и Израиле, Индии, Пакистане, России: это труды Э. С. Арухова, В. Я. Белокреницкого, И. П. Добаева, И.Д. Звягельской, А. А. Игнатенко, А.И. Ионовой, Т.А. Карасовой, Э. Ф. Кисриева, Г. Г. Косача, Д. В.

⁵ См., напр.: Лебедева М.М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира//Космополис. – Весна 2003. - №3. - с. 30-44; Никитин А. И. Эволюция американского глобализма. - М., 1988; Фельдман Д. М. Политология конфликта. - М., 1998; Богатуров А.Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М. – 2000.

⁶ См., напр.: Современный терроризм: состояние и перспективы/ Ю. И. Авдеев и др.: Под ред. Е. П. Степанова – М.: ЭДИТОРИАЛ УРСС, 2000. – с. 18; Гордон-Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития//Азия и Африка сегодня. – 1994. - №11. - с. 17 - 30; Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе//Ислам и политика на Северном Кавказе. - Ростов н/Д: 2001. - с. 33 - 58; Донцов В. Е. Исламский фактор в международных отношениях// Дипломатический ежегодник. - М.: 1997. - с. 18 - 28; Игнатенко А.А. Этногенный радикализм в исламе// Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - №5. - с. 14 - 23; Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира//Полис. - 2002. - №1. - с. 12 - 25; Ионов А.И.Ислам в Юго-Восточной Азии.-М.: 1981; Кузнецов Ю. П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. - Санкт-Петербург: Мифрил, 1998; Ланда Р. Россия и ислам - конфликт или взаимодействие?//По итогам международной конференции. - М., 2001; Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. -М.: «Международные отношения», 1991; Малашенко А.В.Тень ислама над Европой. - М.: «Международная жизнь», 2005; Моджорян Л. М. Терроризм: правда и вымысел. - М.: «Юридическая литература», 1983; Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики//«Полис», 1998, №3; Овсянникова Е.А. Теория джихада в исламской концепции миропорядка//Россия и мусульманский мир, 2004, №7; Ольшанский Д.В. Психология террора. - М., 2002; Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XXвв.) - М., 1982; Фельдман Д. М. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола»// «Вопросы философии», 2005, №6.

Макарова, А. В. Малащенко, В. О. Бобровникова, В. Н. Москаленко, О. В. Плешова, Е. М. Примакова, А.В. Федорченко, Т. Л. Шаумян, а также Б. ас-Салихи, А. Бен Юсефа, М. М. Салиха, А. Хувиди⁷.

Проблема дефиниций, необходимых для концептуализации широкого спектра современных явлений в исламе, подробно исследована и освещена в докладе В. В. Наумкина на научной конференции «Геном» Востока : опыты и междисциплинарные возможности». Как справедливо отмечает В.В. Наумкин, как западные, так и российские исследователи ислама злоупотребляют термином *фундаментализм*, которым они склонны обозначать слишком широкий спектр явлений⁸. Институциональный и понятийный аспекты фундаменталистского движения в исламе подробно исследованы в труде отечественного исламоведа З. И. Левина «Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования»⁹. В работе Л. Р. Полонской «Исламская легитимация современных государственных структур мусульманского мира (на примере СНГ)» дан глубокий сравнительный анализ влияния исламской альтернативы на политические процессы на постсоветском пространстве¹⁰.

Важное значение для понимания культурологических аспектов рассматриваемой проблемы имеет монография Б. Лунса «Ислам и Запад», которая посвящена отношениям между исламской и христианской цивилизациями, их восприятию друг друга, особенностям западного взгляда на ислам и ответной реакции ислама на модернизацию¹¹.

Большой интерес представляют исследования проблематики терроризма, его конкретных проявлений в работах Ж. Кепеля, В. Лакера, Р. Пейпа, А. Парфрея, О. Руа, М. Сэджмана, Б. Хоффмана, Дж. Эспозито¹². Несмотря на высокий уровень разработки этой

⁷ Белокрыцкий В. Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе// Центр. Азия и Кавказ. - Lulea, 2000 - № 6; Добаяв И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. - Ростов н/Д: 2005; Косач Г.Г. Арабский национализм: доктрина, этноним, варианты дискурса// Национализм в истории. - М., 2005; Мирский Г. И. Ислам и восток: Ближний Восток и Центральная Азия// «Полис», 1998, №2; Плешов, О.В. Перспективы модернизации и исламский фактор в Пакистане// Особенности модернизации на мусульманском Востоке. - М., 1997.

⁸ Наумкин В.В. Изучение исламского радикализма на пост-советском пространстве: концепции и подходы// Науч. конференция «Геном» Востока : опыты и междисциплинарные возможности. - М.: «Гуманитарий» 2004.

⁹ Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005.

¹⁰ Полонская Л.Р. Исламская легитимация современных государственных структур мусульманского мира (на примере СНГ)// Современный ислам: культура и политика - М.: 1994.

¹¹ Лунс Б. Ислам и Запад. - М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.

¹² См., напр.: Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. - М.: «Ладомир», 2004; Парфрей А. Аллах не любит Америку. - М.: «Ультра.Культура», 2003; Хоффман Б. Терроризм - взгляд изнутри. - М.: «Ультра. Культура», 2003; Esposito John L. Islam: the Straight Path. - NY, Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 3d Ed.; Roy O. The failure of Political Islam. - Harvard University Press, Cambridge MA, 2001. 5th Ed; Pape R. Dying to win: the strategic logic of suicide terrorism. - Random House, 2003; Sageman M. Understanding terror networks. - University of Pennsylvania Press, 2004.

проблематики в мировой политологической литературе, многие вопросы, связанные с политической ролью исламизма в глобализирующемся мире, остаются открытыми.

Важное значение для понимания истоков арабо-израильского конфликта и провала мирных инициатив по урегулированию палестинской проблемы имеет исследование И. Д. Звягельской «Событийная и ценностная трансформация палестино-израильского конфликта (конец XX – начало XXI века)¹³.

В ходе работы над темой диссертации значимыми явились результаты опросов, проведенных Центром стратегических исследований Иорданского университета в 2005 году. В исследовании были использованы материалы отечественных и зарубежных СМИ («Известия», «Независимая газета», «Совершенно секретно», «Сегодня», The New York Times, Le Mond, Al-Hayat и др.), а также интернет-ресурсы (<http://www.religare.ru>; <http://www.ccntrasia.ru>; <http://kavkaz.memo.ru>; <http://www.waronline.org>; <http://www.inlink.com>; <http://www.washington-report.org> и др.).

Объектом исследования в диссертационной работе является современный терроризм как проблема, обусловленная дисфункциями мирового развития.

Предметом исследования выступает исламистская составляющая современного терроризма, ее генезис, динамика и потенциал развития в политическом конфликте.

Цель и задачи диссертационного исследования

Целью данного исследования является изучение идеологической платформы религиозно-политического терроризма и анализ эволюции исламистских организаций в условиях затяжного политического и социо-культурного конфликта.

В соответствии с целью исследования в диссертации были поставлены и решены следующие задачи:

- исследовать феномены исламского фундаментализма и исламизма, включая определение понятий, содержательную характеристику;
- проанализировать дефиниции современного терроризма, изучить роль религиозной составляющей в мотивациях и деятельности террористов на современном этапе, дать анализ условий и факторов развития исламистских организаций, показать влияние современных политических изменений на уровень конфликтности и терроризма;

¹³ Звягельская И.Д. «Событийная и ценностная трансформация палестино-израильского конфликта (конец XX – начало XXI века)» (доклад)// науч. конференция «Глобум Востока»: опыты и междисциплинарные возможности. - М.: 12 – 14 апреля 2004г..

- охарактеризовать этапы становления и развития исламизма в Палестине, рассмотреть цели и деятельность религиозно-политических организаций, взаимодействие религиозно-политического движения и национально-освободительных сил;

- изучить влияние индо-пакистанских конфликтов на становление пакистанского исламизма, дать анализ деятельности религиозно-политического движения «Джамаат-и-ислами» и проследить изменение позиции индийского руководства в отношении Кашмира в последние годы;

- исследовать феномен исламистского терроризма в Чечне в связи с конфликтом 1994-1999гг., оценить эффективность противодействия терроризму на Северном Кавказе;

- выявить общие закономерности функционирования исламистских организаций в зоне конфликта.

Теоретическая и методологическая основа исследования строится на общепринятых в политической науке аналитических подходах. Это в первую очередь принцип системности, который позволяет исследовать феномен исламистского терроризма не только как криминальный акт, но как социально-политическую проблему, обусловленную кризисами мирового развития.

Также это теории модернизации, которые позволяют конструировать логику типичных для переходного состояния кризисов, обусловленных конфликтом между национальными политическими культурами, традиционными основаниями легитимности власти и императивами развития, требующих формирования нового типа взаимодействий власти и общества.

Одновременно в диссертационном исследовании применялся сравнительный анализ, дающий возможность определить закономерности и тенденции развития современного религиозно-политического терроризма в зоне конфликта; исторический подход, позволяющий соотносить те или иные тенденции с особенностями развития политической среды; *case-study* (Кашмир, Палестина, Северный Кавказ), позволяющий на основе изучения отдельного случая в реальном контексте получить представление об общих закономерностях проявления роли политического ислама в конфликтной среде.

Большое методологическое значение для автора имела работа французского исследователя О. Руа «Глобализированный ислам: в поисках новой уммы». В частности, это касается разграничения между исламским нео-фундаментализмом (своеобразном, по его мнению, ответе на вестернизацию и сопутствующим ей индивидуализацию, кризис социального авторитета, утрату связи между религией и культурой) и исламизмом как

частью этнической культуры и национализма мусульман, а также выделения «внестерриториальных» террористических движений типа «Аль-Каеды»¹⁴.

Следует назвать и культурологический подход, который позволяет понять особенности взаимодействия западной и исламской цивилизаций, их реакцию друг на друга и, в частности, ответ ислама на модернизацию. Определенную роль в этом плане сыграла работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка»¹⁵. По мнению С. Хантингтона, именно религиозный фактор в первую очередь обуславливает конфликты между цивилизациями, поскольку религиозные различия являются более фундаментальными по сравнению с различиями между политическими идеологиями и режимами вследствие того, что они складывались столетиями. Поэтому возрастает значение религиозной самоидентификации в современном мире и возникают конфликты на религиозной почве.

Важное значение для понимания культурологических аспектов рассматриваемой проблемы имеет упомянутая выше монография Б. Луиса «Ислам и Запад»¹⁶.

При работе над диссертацией автор опирался также на подходы к изучению этно-конфессиональных конфликтов, предложенные И.Д. Звягельской. В частности, это выводы об усилении конфликтного потенциала в результате совмещения этнической и конфессиональной идентичностей, связи исламского радикализма с этничностью и сепаратизмом, значительной роли политических элит в формировании этно-конфессиональных требований, трансформации «старых» конфликтов после распада биполярной структуры и росте сложности управления ими¹⁷.

Источниковедческую базу исследования составили священные тексты ислама (Коран, Сунна), программные и пропагандистские документы и малотиражные издания исламистов – от работ Х. аль-Банни, основателя движения «Братьев-мусульман» в Египте, и С. Кутба до трудов А. А. Аль-Маудуди, основателя религиозно-политической организации «Джамаат-и-ислами» в Пакистане, и Б. Мухаммада, теоретика оппозиционного религиозно-политического движения на Северном Кавказе.

¹⁴ Roy O. Globalised Islam: the Search for a New Ummah. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 2004.

¹⁵ Huntington S. The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. –N.Y.:Simon&Schuster, 1996.

¹⁶ Луис Б. Ислам и Запад. - М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.

¹⁷ Звягельская И.Д. Этно-политические конфликты в современном мире // Этнос и конфессии на Востоке : конфликты и взаимодействие. – М.: МГИМО (У), 2005.

В работе были использованы также выступления лидера иранской революции С. Р. М. Хомейни, иорданского богослова А.Гоша, труды Х. ат-Тураби, а также уставные положения религиозно-политических организаций. В изучении проблематики терроризма большую роль сыграли мемуары бывшего террориста Б. Савинкова.

При изучении истории исламизма в Южной Азии в качестве источников послужили работы известных политических деятелей Дж. Неру, М. Ганди, Б. Нетаньяху. В исследовании проблематики исламизма на Северном Кавказе были использованы документы Дагестанского объединенного музея, законы республик Северного Кавказа по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Важную роль при проведении исследования сыграли документы и материалы ООН. Хронологические рамки исследования предопределены постановкой темы исследования, то есть связаны с возникновением феномена современного исламского фундаментализма и исламизма, и охватывают период с 20-х гг. XX в. до настоящего времени. Работа над текстом диссертации завершена весной 2006 г.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и комплексном анализе специфики современного этапа развития исламистского терроризма в зоне конфликта. Проведенный анализ этого явления свидетельствует о его структурной обусловленности в современной мировой политике, что объясняет сравнительно низкую эффективность антитеррористической деятельности.

Настоящее исследование ориентировано на совершенствование подходов к пониманию природы этноконфессиональных конфликтов в условиях динамично меняющегося мира. Его новизна заключается также в анализе изменений в террористической деятельности в эпоху глобализации, что касается как трансформации «старых» конфликтов, так и формирования новых структур исламизма.

Особую значимость приобретает изучение конфликтов с религиозно-политической составляющей для России, что обусловлено, с одной стороны, задачами внешней политики страны, а с другой - внутривнутриполитическими целями обеспечения безопасности, стабильного развития и экономического роста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исламский фундаментализм обращен в значительной степени к образу жизни и нормам поведения прошлого. В отличие от него исламизм генерирует стратегические цели и принципы развития, опираясь при этом на собственную политическую платформу и используя религиозную риторику.
2. Процесс становления исламизма особенно активно протекает там, где неблагоприятные внутривнутриполитические условия жизни (исдемократичность

правлящих режимов, отсутствие легальной независимой оппозиции, тяжелейшие социально-экономические проблемы), усугубляются вооруженными конфликтами с религиозной составляющей.

3. Из широкого спектра фундаменталистских умеренных и экстремистских групп в мусульманском мире вырастают те, которые формируют современное организованное политическое движение исламизма. В ходе этого процесса наблюдается рост террористической активности в зонах конфликтов, а экстремисты используют религиозную пропаганду в своих целях.
4. Как показывает исследование казусов (Палестина, Кашмир, Северный Кавказ) формирование исламизма продолжается. Если исламистское движение выражает интересы широких социальных слоев, представляется целесообразным включение его в легальный политический процесс.
5. Институционализированный исламизм способен значительно ослабить позиции экстремистских сил, решить проблемы развития полиэтничных мусульманских обществ.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что:

- проведенный анализ позволяет расширить представление о феномене исламизма в целом, соотнести его международную специфику с аналогичными процессами в РФ;
- разработанные теоретические положения и выводы могут быть использованы при разработке стратегии взаимодействия с исламистскими организациями («Хамас» и др.) и подготовке политических решений, связанных с противостоянием экстремизму;
- исследованные в диссертации положения могут быть использованы в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий в курсах по конфликтологии и террорологии.

Апробация результатов исследования Ряд идей диссертации обсуждены на заседаниях кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ и в ходе занятий со студентами МГИМО. Часть идей и выводов отражена в публикациях по теме работы.

Структура диссертации соответствует задачам исследования. Диссертация состоит из двух глав, введения и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, степень ее разработанности, определяются цель и задачи исследования, его объект, предмет и методологическая основа, дается оценка новизны, теоретической и практической значимости проделанной работы.

Первая глава «Концептуальные основы исламистского терроризма» посвящена теоретическим основам рассматриваемой в диссертационном исследовании темы. В первом параграфе «Фундаментализм и исламизм: определение и характеристика» автор попытался раскрыть сущность таких феноменов, как фундаментализм и исламизм, ответить на вопрос о роли религиозной составляющей в экстремистской деятельности, выявить причины усиления влияния исламистов в современном политическом процессе.

Соотношение понятий *фундаментализм* и *исламизм* вызывает множество споров и неоднозначных оценок в современной науке. Сравнительный анализ различных определений фундаментализма свидетельствует о многовариантности проявлений этого феномена. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением иудейского проповедника Р.А. Штейнзальца о том, что термин *фундаментализм* используется как своего рода «зонтик», накрывающий собой широкий спектр разнородных явлений. Совершенно очевидно, что обязательным условием характеристики того или иного движения как фундаменталистского является призыв к преобладающим веры и формирование таких стандартов духовной жизни, которые бы отвечали на вызовы времени в контексте «конфликта прошлого и настоящего».

Историю мусульманского мира можно представить как непрерывный процесс «реинкарнации» исламского вероучения; важная роль в этом принадлежала политической власти, которая, с одной стороны, освящалась религией, с другой стороны, придавала законность процессу реинтерпретации мусульманской традиции в соответствии с изменениями реалий общественно-политической жизни.

На основе обращения к истокам в рамках исламской традиции сформировался широкий спектр трактовок священного писания, интерпретаций и комментариев, значительная часть которых систематизирована в рамках религиозных и правовых школ, оказавших значительное влияние на происходившие политические изменения. Это *му'тазилиты* («те, кто обособляется» – араб., VIII век), *джабариты*, *кадариты*, *ханифиты* (основатель Абу Ханифа, ск. в 767), *маликиты* (основатель Малик ибн Анас, ск. в 795), *шафииты* (основатель Мухаммад аш-Шафи', ск. в 820), *ханбалиты* (Ибн Ханбал, ск. в 855), *джафариты* (Джафар ас-Садик, ск. в 765), *зейдиты* (Йемен) и др.

Один из видных мусульманских политических мыслителей Абу Хамид аль-Газали (1058-1111) ставит задачу возвращения к изначальным основам любого знания, говорит о необходимости рассмотрения вещей так, каковы они есть сами по себе, и опирается при этом на представление о врожденных свойствах. Он подвергает острой критике существовавшие в то время религиозную и политическую практики за авторитарность, которая превращает разум в инструмент самообмана, в средство узурпации власти, высокомерия, обмана, обогащения за счет других.

Усложнение средневекового общества привело к возникновению *катама* (от араб. «слово» – спекулятивная и схоластическая теология) и *фикха* (мусульманское каноническое право, которое охватывало широкую сферу деятельности мусульманина – от этических норм и правил поведения в быту до толкования сложнейших вопросов юриспруденции), которые определяли принципы общественного строя. Возникло понятие *шариата*, то есть модели праведного поведения мусульманина, опирающегося на принятые *фикхом* законы.

Когда Восток стал втягиваться в систему мирового капиталистического развития, ислам был вынужден реагировать на перемены. Возникли фундаменталистские реформаторские течения, о которых говорилось выше. Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида и другие мыслители попытались истолковать традиционные исламские представления в контексте принципов западной демократии и организации экономики на капиталистических основах.

На современном этапе использование термина *фундаментализм* все чаще оказывается неразрывно связано с характеристикой кризисных тенденций развития в мире ислама, в котором социально-экономическое недовольство перерастает в массовые движения протеста под религиозными лозунгами возвращения к истокам веры.

Фундаментализм в исламе развивается в контексте эскалации экстремизма и терроризма в обществе. Однако маргинальный характер этих явлений трансформируется, а некогда экстремистское религиозное меньшинство оказывается в авангарде политической борьбы и стремится к решающему влиянию на общественный выбор.

Современные религиозно-политические движения в исламе уже не укладываются в универсальное понятийное определение фундаментализма, их нельзя подвести под общий знаменатель, а потому возникает необходимость в выработке нового подхода в характеристике изменений в мусульманском мире.

Значительное число отечественных и зарубежных исследователей в определении специфических для мусульманского мира тенденций развития использует понятие *исламизм* (или *политический ислам*). На наш взгляд, фундаментализм – это «прошлое»

исламизма, который по сути разрывает связь с фундаменталистской первоосновой. Например, если обратиться к теоретическому наследию идеологов исламской революции в Иране, то в их трудах достаточно четко прослеживается мысль о необходимости интеграции шиитов и суннитов. Как утверждает аятолла Хомейни, «все мусульмане - братья и равны между собой. Ни один из них не отделен от другого и все они должны сплотиться под знаменем Ислама и монотеизма». В частности, имам подчеркивает: «Мы, шииты и сунниты, должны побрататься и не допустить, чтобы нас обворовывали друг»¹⁸

Один из видных иранских мыслителей Али Шариати сравнивает исламизм с определенными направлениями в западной философии (марксизмом, экзистенциализмом, маркузизмом и т.д.) и даже полагает возможным союз исламизма и левого движения в Европе.

Современные исламисты опираются на широкую массовую поддержку («Хамас», «Хизбалла»), активно участвуют в политической и социально-экономической жизни, способны оказывать значительное влияние на все сферы жизни общества. В целом процесс трансформации фундаменталистских религиозных течений и направлений в организованное исламистское политическое движение, как правило, характеризуется этапом эскалации экстремизма и терроризма.

Во втором параграфе «Исламистский терроризм и его специфика» изучена проблематика определения терроризма, взаимосвязь религиозной и политической составляющих в террористической деятельности на современном этапе, выявлены причины распространения террористической угрозы в глобальном мире.

Терроризм хотя и понимается однозначно как негативное явление, тем не менее, не имеет общепринятого сущностного определения. Множественность подходов к определению терроризма обусловлена многоплановостью и противоречивостью этого явления. На основе существующих трактовок терроризма и исходя из анализа эволюции понятия терроризма в диссертационной работе предлагается следующее определение: терроризм - это практика использования насильственных действий в реализации политических целей. Деятельность современных террористов характеризуется широким размахом, отсутствием явно выраженных государственных границ, наличием координации в действиях террористических групп в различных уголках мира.

¹⁸ «Изречения, афоризмы и наставления имама Хомейни». – Тегеран: Издательство произведений имама Хомейни. Международный отдел, 1995.

Применительно к современному терроризму такая организация позволяет, основываясь на горизонтальных связях, осуществлять взаимодействие автономных мобильных групп. Сетевая структура позволяет снизить себестоимость терроризма, развить глобальную террористическую сеть, усилить пропагандистское воздействие, расширить географические границы террористической деятельности.

Характерно, что в отличие от терроризма вообще, современному исламистскому терроризму присуща исключительно высокая мотивация, так как террористы рассматривают свои действия как *джихад* на пути служения Аллаху.

Большое внимание в научной литературе уделяется изучению условий резкой активизации исламизма и терроризма в современном мире. Рост исламского фундаментализма и терроризма в 1970-х—1980-х годах, а затем в 1990-х годах был вызван углублением кризиса в мусульманских обществах в связи с неурегулированностью старых конфликтов и нерешенностью социально-экономических проблем. Провал попыток модернизации и вестернизации мусульманского Востока актуализировал необходимость обращения к базовым ценностям ислама с тем, чтобы найти в рамках собственной культуры механизмы консолидации общества и создать новую систему ценностей и ориентиров, необходимых для успешного развития. В процессе становления исламизм сталкивается не только со специфическими патриархальными этно-культурными традициями мусульманских народов и разнообразием религиозных течений ислама, но также ожесточенно сопротивляется экспансии светской западной «культуры потребления».

Кроме того, на становление терроризма как международного явления с конца 1980-х годов оказали влияние победа движение «Талибан» в Афганистане и формирование «Аль-Каеды» из числа *муджахедов*, возникновение новых очагов напряженности на постсоциалистическом пространстве, в частности на Северном Кавказе и в бывшей Югославии, а также общий рост фактора силы в международных отношениях.

Во второй главе «Исламизм и терроризм в зоне конфликта» исследована проблематика исламизма и религиозного экстремизма в условиях острого политического конфликта в регионах Ближнего Востока, Южной Азии и Северного Кавказа.

В первом параграфе «Палестинская проблема» раскрываются этапы становления и развития исламизма в Палестине, исследуются цели и деятельность религиозно-политических организаций в палестинском движении сопротивления, изучается взаимодействие исламизма и национально-освободительных сил во главе с ООП. Отмечено, что становление исламизма

между двумя Мировыми войнами происходило в контексте процессов разрушения колониальных империй, формирования широкого антиколониального движения, в котором борьба за независимость народов Востока была сопряжена с духовным возрождением.

Религиозно-политическое движение в 1920-х - 1940-х годах было ориентировано на защиту мусульманского характера Палестины всеми возможными средствами, в том числе путем вооруженных действий. Однако с начала 50-х годов и особенно после оккупации палестинских территорий сектора Газа и Западного берега реки Иордан, поражения арабских армий в войне 1967 г. лидерство в палестинском движении сопротивления перешло к национально-патриотическим силам, которые придали арабо-израильскому конфликту значение, выходящее далеко за пределы мусульманского мира. С этого времени ближневосточная проблема была сведена к национально-освободительной борьбе палестинского народа, основной силой которого выступила Организация освобождения Палестины (ООП) во главе с Ясиром Арафатом.

ООП использовала насилие с тем, чтобы вызвать международный резонанс, увеличить число участников ближневосточного процесса, усилить давление на Израиль со стороны мирового сообщества и поддержать моральный дух палестинцев.

Для сторонников Ясира Арафата признание международным сообществом права палестинцев на независимость явилось основой для активизации международной террористической деятельности. Вооруженная борьба палестинского движения сопротивления, развернувшаяся с 1968 г., и продолжавшаяся, со спадами и подъемами, до середины 80-х годов, по многим своим параметрам (массовый захват заложников, угон авиационных транспортных средств, применение взрывных устройств против гражданских объектов) может быть однозначно отнесена к терроризму.

До начала 1970-х годов между ООП и исламистами наблюдалось разделение функций. Религиозные организации приоритетными в своей деятельности считали вопросы социально-экономического развития (образование, здравоохранение и т.д.), тогда как ООП осуществляла политическую власть.

Восьмидесятые годы XX века были связаны с развитием религиозного движения по следующим направлениям:

1. Создание структурных подразделений, занимавшихся различными социальными, образовательными, медицинскими и другими программами

улучшения жизни палестинского населения на оккупированных территориях. Наиболее разветвленная и хорошо организованная структура была создана в секторе Газа.

2. Усиление позиций в руководстве палестинской организации «Братья -мусульмане» образованной молодежи, которая считала недостаточным религиозно-просветительскую деятельность и стремилась к практическому участию в различных общественных сферах.

3. Призыв к защите религиозных ценностей как законному ответу на действия Израиля, нарушающие права человека и оскверняющие святые места.

4. Активизация пропагандистской деятельности в связи с успехом исламской революции в Иране.

Создание «Хамас» в 1987г. стало началом активного процесса политизации религиозных сил, вступивших в конкурентное взаимодействие с ООП. «Хамас» поставила под сомнение легитимность ООП как единственного представителя палестинского народа. В создавшихся условиях для приобретения широкой политической поддержки в Палестине «Хамас» перешла к организации собственной вооруженной деятельности, которая вскоре принесла свои плоды.

Развернувшаяся борьба за политическое лидерство в Палестине между исламистами и сторонниками ООП сделала невозможным выполнение мирных договоренностей, заключенных в Вашингтоне 13 сентября 1993 г. между Исааком Рабином и Ясиром Арафатом. Если *интифада* 1987г. была инициирована руководством ООП, то *интифада* 2000 г. приобрела особый размах во многом благодаря исламистам, которые с этого момента значительно усиливают свои политические позиции. Вторая *интифада* стала точкой отсчета возросшего влияния исламизма в Палестине; в этот период резко падает политическое влияние ООП. В секторе Газа утверждается политическое господство «Хамас».

На выборах в местные органы власти в секторе Газа в январе 2005 г. убедительную победу одержали кандидаты от «Блока за перемены и реформы», в который вошли палестинские движения - «Хамас», «Исламский джихад» и Народный фронт освобождения Палестины. Сторонникам Ясира Арафата удалось одержать победу только в двух муниципалитетах. При этом надо отметить, что явка на муниципальных выборах в секторе Газа превысила 80 проц. После смерти Ясира Арафата ООП стремительно теряет политический вес, о чем свидетельствуют неоднократные изменения сроков проведения муниципальных выборов в крупных городах Западного берега реки Иордан.

Опираясь исключительно на демократические выборы, «Хамас» одерживает победу на выборах в Законодательный совет и становится лидирующей политической силой в Палестине. Выборы 2006 года в парламент Палестины можно считать новым этапом развития палестинского движения сопротивления. Победа исламистского движения по сути означает подчинение идеи национальной независимости задачам решения социально-экономических проблем развития в тесной связи с политическими преобразованиями в мусульманском мире в целом. В то же время победа исламистов является серьезным ударом по американским интересам в регионе и планам мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, нацеленным на создание независимого палестинского государства. Демократизация политической жизни в Палестине может способствовать снижению вооруженной активности исламистов, что в долгосрочном плане отвечает интересам Израиля.

Второй параграф «Индо-пакистанский конфликт и кашмирский вопрос» посвящен эволюции терроризма в Кашмире в связи с развитием исламизма в Южной Азии в условиях индо-пакистанского противостояния.

Кашмир, расположенный на индо-пакистанской границе, стал ареной вооруженного конфликта 1948-1949 гг., в результате которого одна треть территории Джамму и Кашмира досталась Пакистану, а к Индии отошли долина Кашмира, где большинство населения исповедует ислам, Джамму, где большинство составляют индусы, и Ладакх, население которого исповедует буддизм.

Несмотря на то, что военные действия были прекращены, индо-пакистанский конфликт не был исчерпан, резолюции ООН не были выполнены в полной мере, а отношения Индии и Пакистана продолжали носить напряженный характер, включая столкновения на международной политической арене.

Источниками нестабильности в Южной Азии были как индо-пакистанские вооруженные конфликты в 1965, 1972 и 1999 гг., так и исламистский терроризм. Одним из основных идеологов исламистского движения в Южной Азии был богослов М. А. А. аль-Маудуди, основатель «Джамаат-и-ислами». Применение силы в деятельности исламистов было отделено от общественной и религиозно-просветительской работы, которая осуществлялась через мечети, религиозные школы, студенческие организации, профсоюзы и т.д.

В 1980-90-х годах в Пакистане наблюдается рост религиозного экстремизма. Обращение политического ислама в Пакистане к насилию происходит в этот период под воздействием межафганского вооруженного противостояния и вмешательства Советского

Союза, Пакистан, взявший на себя миссию по спасению афганских единоверцев от коммунистической агрессии, в сложившихся условиях, оказался выгодным стратегическим партнером США и Саудовской Аравии, финансовая, военная и дипломатическая помощь которых предопределила окончательную победу экспансионистских религиозно-политических сил в Пакистане.

В Кашмире отправной точкой эскалации насилия стали выборы 1987 г. За победой проиндийского Национального конгресса Джамму и Кашмир последовали, с одной стороны, массовые антиправительственные выступления, а с другой - репрессии со стороны официальных властей. Фальсификация результатов выборов 1987 г. явилась непосредственным поводом к началу массовых акций неповиновения.

Эскалация насилия в 1990г. привела индийское правительство к необходимости установления непосредственного федерального управления в Кашмире в связи с широким применением репрессий в целях подавления антиправительственного мятежа. Участие в террористической деятельности «исламистского интернационала» побудило кашмирское правительство к принятию тактики разграничения террористов на «своих и чужих». Если в отношении кашмирских экстремистов правительство считало возможным переговоры, то в отношении террористов из других стран предпринимались карательные меры.

Национальные выборы в Индии в мае 1996 г. прошли на территории Кашмира с грубыми нарушениями, использованием насилия и давления на избирателей. За национальными выборами в мае 1996 г. следовали местные выборы в Кашмире в сентябре 1996 г. Индийские средства массовой информации, освещавшие эти выборы, указывали на прекращение повстанческой борьбы в Кашмире. Тем не менее, оппозиционные политические силы, объединившиеся в блок «Хуррийят» («Свобода»), бойкотировали эти выборы.

С 2000 г. Индия предпринимает шаги по налаживанию политического процесса в Кашмире, продолжая антитеррористическую борьбу против экстремистских группировок - таких, как «Харакат уль-муджахидин» и «Лашкар-и-тойба». Индийским правительством были выпущены на свободу лидеры оппозиционного блока «Хуррийят», кроме того, были инициированы переговоры с кашмирскими повстанцами на основе принципа *инсанит* (человечности).

Стремясь придать легитимность политическому процессу в Кашмире, индийское правительство разработало целый комплекс мероприятий с участием независимых международных организаций с тем, чтобы сделать возможным участие всех политических сил в выборах осени 2002 г. Победа оппозиционных сил стала началом новой политики в

сфере безопасности, рассчитанной не на силовое подавление террористических групп, а на поиск политического решения проблемы.

Нынешнее правительство Кашмира обеспечило беспрецедентное признание деятельности исламистских групп. В связи с этим в последнее время наметилась тенденция развития сотрудничества Пакистана и Индии в целях обеспечения стабильности в Южной Азии. Очевидно, сотрудничество Индии и Пакистана в области безопасности в Южной Азии будет расширяться, что в дальнейшем может изменить климат политического антагонизма и взаимного недоверия, заложить основу регионального политического союза и снизить уровень террористической активности.

В третьем параграфе «Конфликт на Северном Кавказе» исследуется проблематика исламизма на Северном Кавказе. Началом активного процесса становления исламизма на Северном Кавказе можно назвать конфликт в Чечне (1994 – 1999гг). После проведенной контртеррористической операции и формирования органов власти чеченской республики исламистский терроризм был в основном подавлен, однако, корни, питающие развитие экстремизма на Северном Кавказе, остались. Часто исследователи для обозначения оппозиционному властям и социально опасного фундаменталистского течения на Северном Кавказе используют термин *ваххабизм*, проводя аналогию с арабийским антиосманским движением Мухаммада Абдель Ваххаба (XVIIIв). Однако, на наш взгляд, к фундаментализму в том, что касается религиозной практики, можно отчасти отнести и суфийское движение *тарикатистов* (в частности в Дагестане).

В современном Дагестане насчитывается примерно 20-25 тарикатских объединений (вирдов), которые объединяют до 60% верующих мусульман¹⁹. Как отмечает отечественный исследователь А. Савельев, «... средой для исламизации чеченского населения были именно вирдовые братства»²⁰. Однако северокавказский фундаментализм в религиозном и в политическом измерениях неоднороден, о чем говорит тот факт, что официальные власти в борьбе с оппозиционным *ваххабизмом* в основном опираются на поддержку суфийских братств (в частности в Дагестане), что, на наш взгляд, так или иначе, способствует еще большей политизации ислама на Северном Кавказе. По мнению отечественного исследователя Д.В. Макарова, «тарикаты сконцентрировали вокруг себя не только религиозную, но и хозяйственную и даже

¹⁹ Макаров Д.В. Возрождение ислама в современном Дагестане. 2005 – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/archives/arch/left23.05.html>

²⁰ Савельев А. «Параллельный ислам»- идеология бандитизма. 2000 – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/analit/sobytia/parallislam.htm>

политическую жизнь, выполняя при этом функции защитника интересов мусульман «глубинки» перед центральной властью²¹.

О политическом потенциале исламизма в Дагестане говорит тот факт, что вирдовое братство во главе шейхом Саидом-Афанди Чиркейским отличается высоким уровнем внутренней солидарности, имея при этом политический характер. В отношении официальных властей Дагестана тарикатисты занимают позицию аналогичную воззрениям исламистской организации «братьев-мусульман» в Египте и считают, что существующая власть «греховна», «преступна», но в силу того, что политическая власть не отрицает ислама, объявление «священной войны» и силовое свержение режима невозможно. Однако необходимая для участия в мирной политической борьбе мотивация очевидна.

Как показывает практика, становление исламизма – это объективный процесс, обусловленный потребностью в развитии «отсталых регионов». В целях повышения эффективности борьбы с терроризмом и экстремизмом в мусульманском мире представляется необходимым содействие включению исламистов в легальный политический процесс.

В «Заключении» содержатся основные выводы диссертационного исследования:

1. В основе религиозного фундаментализма обращение к образу жизни и нормам поведения прошлого. В отличие от него исламизм генерирует стратегические цели и принципы развития, опираясь при этом на собственную политическую платформу. На наш взгляд, фундаментализм – это «прошлое» исламизма; современный исламизм во многом разрывает связь с фундаменталистской религиозной концепцией, приобретая исключительно политический характер. Из широкого спектра различных фундаменталистских умеренных и экстремистских групп в мусульманском мире вырастают те, которые формируют организованное политическое движение исламизма.

2. Отсутствие в современном мире общепринятого определения терроризма обусловлено сложностью этого явления, двойственностью в оценке целей и мотивов совершения террористического действия. В диссертационной работе терроризм трактуется как практика использования насильственных действий в реализации политических целей.

3. Религиозная мотивация террористической деятельности в зонах конфликтов в Палестине, Кашмире и на Северном Кавказе свидетельствует о высоком уровне конфликтности в мусульманском мире, нарастании кризиса, обусловленного

²¹ Макаров Д. В. Указ. соч.

болезненными процессами трансформации общественно-политической структуры развивающегося общества в условиях глобализации.

4. В целях консолидации общества и мобилизации усилий различных политических сил, направленных на разрешение палестинской проблемы, представляется целесообразным включение исламистских группировок типа «Хамас» в процесс урегулирования палестинской проблемы.

5. Политический кризис вокруг Кашмира и сопутствующие социально-экономические проблемы служили питательной почвой для развития исламистского терроризма в Индии и Пакистане. Стремясь остановить процесс эскалации терроризма, индийское правительство перешло к принятию мер по демократизации политической жизни в Кашмире, в том числе включению оппозиционных сил в политический процесс. Все это позволило в значительной степени ослабить политическое влияние экстремистских группировок.

6. Процесс возникновения исламизма на Северном Кавказе во многом повторяет опыт Палестины и Кашмира в том, что касается эскалации религиозно мотивированного насилия. Следствием конфликта в Чечне явилась активная антироссийская религиозная пропаганда в мире ислама. Соединение сепаратизма в Чечне с ростом религиозного движения в мире ислама создало значительные трудности в ходе продвижения интересов России как во внутренней, так и во внешней политике.

7. Процессы политизации ислама на Северном Кавказе протекают неравномерно. Фундаменталистские группы наиболее активны в Чечне и Дагестане, где сохраняется тенденция к политизации ислама. В отличие от радикального отрицания национальной идентичности в пользу религиозной у салафитов, современные суфийские тарикаты в Дагестане демонстрируют гибкость в вопросах о границах национального и религиозного самосознаний, что, с одной стороны, обеспечивает легитимность нынешней политической системы; с другой стороны, полиэтнический характер крупных суфийских братств позволяет им выражать интересы значительной части дагестанского общества.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- Борьба за суверенитет в условиях глобализации: Палестина и Кашмир//Политическая наука, 2005, №4. -0,3 п.л.
- Ислам как политическая категория// Политическая толерантность в мультиэтническом регионе. - Ростов н/Д: Региональный ресурсный политологический центр при РГУ, 2004. -0,1п.л.
- Политический ислам как фактор нестабильности на Северном Кавказе/ Г. А. Рудов, Е. Г. Пономарева//Центральная Азия. Кавказ. Балканы. Региональные подсистемы и региональные проблемы безопасности. – М.: Научная книга, 2005. – 0, 8 п.л.

МГИМО (У) МИД России
Заказ № 441. Тираж 50 экз.

**Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России**
117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26